

ИСТОРИОГРАФИЯ И САМООСМЫСЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ФИЛОСОФИИ*

А. В. Дьяков

Санкт-Петербургский государственный университет

Поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

Аннотация: *в статье предлагается авторский взгляд на роль, которую играет историография философии в утверждении и трансформации национальной философской традиции. Автор обращается к французской философии как содержащей наиболее осознанное представление о своей национальной идентичности. В статье предлагается схема диалектического взаимодействия историографии философии и национальной философской традиции: первая служит орудием легитимации второй и обосновывает ее, в то же время находя в ней собственное основание. Рассмотрение двух подходов к историографии и определению национальной философской традиции позволяет автору сделать выводы о существенной мировоззренческой трансформации в самосознании французских интеллектуалов, связанной с формированием новой социально-политической парадигмы, требующей пересмотра оснований национальной философской традиции. Историография философии играет в этом процессе приоритетную роль, поскольку ниспровержение традиции требует переписывания: привычные персонажи истории философии вписываются в исторический процесс заново. Автор завершает статью рядом тезисов, фиксирующих эти перемены.*

Ключевые слова: *история философии, историография, самосознание, французская философия, мировоззрение, традиция.*

Abstract: *the article proposes an author's view on the role played by the historiography of philosophy in the affirmation and transformation of the national philosophical tradition. The author turns to French philosophy as containing the most conscious idea of its national identity. The article proposes a scheme for the dialectical interaction between the historiography of philosophy and the national philosophical tradition: the former serves as the instrument of legitimization of the second and justifies it, while at the same time finding its own basis in it. The consideration of two approaches to historiography and the definition of the national philosophical tradition allows the author to draw the conclusions about the significant worldview transformation in the self-consciousness of French intellectuals, connected with the formation of a new socio-political paradigm, which requires a revision of the foundations of the national philosophical tradition. Historiography of philosophy plays a priority role in this process, as the overthrow of tradition requires not nihilistic denial, but rewriting: the familiar characters of the history of philosophy fit into the historical process anew. The author concludes the article with a series of theses fixing these changes.*

Key words: *history of philosophy, historiography, self-consciousness, French philosophy, worldview, tradition.*

---

* Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 15-33-01013 «Философская историография во французской философии второй половины XX века».

Национальная философская традиция – понятие во многом проблематичное, во всяком случае, требующее разъяснения со стороны того, кто намерен им оперировать [1–2]. В связи с этим мы выдвигаем тезис, обобщающий размышления долгого ряда историков философии, а потому не претендуем на авторство, но скорее прибегаем к нему как к опорной конструкции. Состоит он в следующем: в истории философии постоянно сосуществуют, соперничая между собой, две доктрины, определяющие направление развития философской мысли и ее самопонимание. Одна из них сводится к представлению о том, что философ всегда обращается непосредственно к бытию и его истине, а потому его взгляд не зависит от того, в какой точке пространства и времени этот философ находится; вслед за Ф. Мейнеке мы называем эту доктрину генерализующей [3]. Другая заключается в представлении об исторической относительности всякого взгляда на мир и суждения о нем; это историзирующий подход, дающий начало всякому релятивизму и постмодернизму. Можно, по примеру Ю. Хабермаса, возводить его к Ницше [4], но, по-видимому, рождается он еще в XVII столетии, с преодолением механицизма в философии. Понятие национальной философской традиции возможно именно в историзирующей доктрине, предполагающей, что формы постижения реальности и философствования о ней носят изменяющийся характер и зависят от конкретной ситуации.

При таком подходе понятие национальной философской традиции позволяет выявить ряд конститутивов, в числе которых оказываются национальный язык (а значит, литературная традиция), университетская система, а главное, национальная идентичность. Всё это создает определенный тип мышления, утверждающийся на протяжении длительного времени и составляющий традицию философии. Традиция укореняется в определенном типе дискурса, где и обретает свою легитимность. В позитивистском стиле можно было бы сказать, что дискурс о традиции и есть сама традиция, ибо больше нигде мы ее не встретим. В этом и состоит тезис, который мы попытаемся обосновать в настоящей статье: философская историография легитимирует философскую традицию, которую она отражает и фиксирует.

Начнем с определения национальной философской традиции, которое при всей своей внешней простоте таит множество опасностей. Прежде всего, здесь мы сталкиваемся со множеством проблем, суть коих сводится к тому, что определить, имеем ли мы дело с национальной философской традицией или же с каким-то общим всей философии моментом, можно лишь с большой долей условности, а выработать четкие критерии практически невозможно.

Язык философствования – первый критерий, по которому должен производиться отбор в этой области, – показатель ни слишком надежный. Со студенческой скамьи мы знаем, что в Новое время, когда в европейском пространстве уже действуют общности, сознающие себя как нации, многие авторы писали еще на латыни, а потом в моду вошел французский язык, ставший новым языком учености. Однако невозможно счи-

тать французскими философами всех, кто писал по-французски, как это делал, например, Лейбниц. Сегодня же нельзя отнести к англо-саксонской философии всех, кто публикуется в англоязычных журналах с высоким импакт-фактором. «Думать по-французски» – понятие еще менее надежное, ибо едва ли кто-то сможет объяснить, что это значит.

Другой критерий – страна проживания или работы – также не решает нашей проблемы, ибо жить можно и в изгнании и в эмиграции, оставаясь при этом национально мыслящим интеллектуалом. Если мы вспомним о том, какие масштабы приняла в Новое время эмиграция французских интеллектуалов, мы обнаружим, что то, что мы знаем сегодня как французскую философию классической эпохи, создавалось не только и, быть может, не столько на территории Франции, сколько в Голландии, Германии, Швейцарии и т. д. Сегодня ареал обитания французских интеллектуалов тоже не ограничивается шестигранником.

Ж. Деррида в своем семинаре «Нация и философский национализм» предложил весьма интересный подход для определения «Франции» и «французскости», воспользовавшись старым платоновским концептом «хора». Вспоминая знаменитую «кормилицу» из «Тимея», философ говорит: «...Имеется место, которое есть Германия, Япония, Европа, Франция; это место есть место символическое. Когда Гуссерль говорит о Европе как месте науки и философии, это место не эмпирическое; Греция – это духовный смысл Греции» [5, с. 71]. Так что, согласно данной логике, Франция – это духовный смысл Франции. Несмотря на видимую нелогичность такого утверждения, это, пожалуй, лучшее, что можно сказать по поводу Франции, которая не сводится ни к территории, ни к фонетике, ни к государственным институциям, а есть некий символ и национальная идея. В этом смысле и сам Деррида может считаться французским философом, а не еврейским или, скажем, алжирским; французским философом его делает именно принадлежность к определенному символическому строю мышления, а не язык или тематика исследований.

Однако символическое место существует лишь в регистре символического, тогда как литературная (а в нашем случае – философская) традиция существует по большей части в регистре воображаемого и претендует на реальное. Эти лаканистские термины не должны вносить путаницу; напротив, они должны кое-что прояснить, а именно: при таком развороте проблемы национальной традиции речь идет не о реальном явлении, но о феномене из сферы восприятия. Не важно, к какой терминологии мы прибегнем для их описания; существенно лишь то, что мы отрываемся от материального субстрата (географической территории, населения, институциональных пространств и т. д.) и говорим о конструкте, существующем в коллективном сознании. Если же мы не хотим окончательно уйти в область фантазий, нам придется отказаться от этого пансимволизма.

Другой путь открывается нам в программе, которую М. Фуко в шутку назвал «счастливым позитивизмом» и которая в интересующем нас

случае заключается в том, чтобы принимать во внимание только реально существующие объекты, т. е. элементы того дискурса, что составляет философскую традицию. Определяющим моментом здесь является отказ от какого бы то ни было символизма и репрезентационизма: мы принимаем во внимание лишь тексты, не признавая существования какой-либо отличной от них традиции. Исследовательский жест дублируется жестом этическим: как историк философии не признает абстрактных конструктов, представляющих от лица в действительности не существующих текстовых комплексов (т. е. того, что в действительности не было написано или сказано, но в принципе могло бы, потому что подразумевается определенной логикой), так и интеллектуал, находящийся в социальном пространстве, отказывается представлять от лица какого-то гипотетически существующего молчаливого большинства. Каждый говорит сам за себя.

Этот второй подход, который мы избираем в качестве рабочего основания, можно назвать анти-репрезентационистским. Фуко предпочитал называть его «археологическим», однако в то время как его «археология» предполагает кропотливую работу с единичными высказываниями, зафиксированными в философском дискурсе, мы рассчитываем уловить некое длительно существующее единство, обозначаемое сочетанием «философская традиция». Фукольдианская «археология» сводится к трансверсальному рассмотрению статичных срезов истории мысли; по удачному выражению Ж.-П. Сартра, Фуко «заменяет кино волшебным фонарем». Тем самым исключается рассмотрение постоянно присутствующих в истории сущностей, – как выражался сам Фуко, «транс-исторических универсалий». Нас же интересует именно транс-историческая универсалия – философская традиция, имеющая, к тому же, привязку к конкретной национальной идентичности. Таким образом, мы должны принять продуктивную позитивистскую программу Фуко, попытавшись совместить ее с чем-то вроде гегелевской феноменологии. Ведь речь у нас идет о национальном самосознании.

Конечно, мы говорим не о гегелевском самосознании и не о том Духе, что должен преодолеть отчуждение ради постижения самого себя. Говорим мы о фундаментальной составляющей сознания интеллектуалов, чей дискурс обретает легитимацию в прокламировании своей принадлежности традиции, причем традиции национальной.

Здесь мы снова имеем дело с бинарной оппозицией генерализующего и историзирующего подходов, где второму элементу отдается явное предпочтение. Ведь генерализующий подход предполагает, что философский дискурс легитимируется обращением к истине, носящей неисторический и вневременной характер. Историзирующий подход означает легитимацию всякого суждения посредством привязки его к традиции, истории и историчности. И тот и другой представляют собой (воспользуемся удобным выражением все того же Фуко [6, с. 208]) «режимы истинь». Оба типа дискурса провозглашают истинными суждения, отсылая при этом к неким комплексам, лежащим за их пределами.

Такое положение дел в истории философии обычно маскировалось громоздкими нарративными конструкциями. Ведь философия претендует на самообоснование, отыскание точки опоры внутри самой себя; особенно в этом преуспела генерализующая линия. В действительности же она неизменно находит опору на стороне – в сферах мифологии, религии, научного знания и др. Самая рациональная философия несет в себе иррациональный момент – попросту говоря, веру в определенное положение вещей, унаследованную от иррациональных форм мышления. В философии, как весьма точно заметил У. К. Ч. Гатри, «религиозная вера заменяется верой, которая была и остается основой научной мысли со всеми ее победами и всеми ее ограничениями, то есть верой, что видимый мир скрывает в себе разумный и постижимый умом порядок, что причины мира природы следует искать в его границах и что независимый человеческий разум является нашим единственным и достаточным инструментом познания» [7, с. 113].

Понятие национальной традиции не имеет рационального основания в сфере философии, но приносится извне, из не-философского источника. В нашем случае это национализм, основные черты которого сложились в эпоху Великой Французской революции. Слово «национализм» в данном случае не имеет негативной коннотации и указывает лишь на определенную форму общественного сознания, основанного на определенной идеологии и данную идеологию порождающего и поддерживающего. Это сознание национального единства, не сводящееся ни к государственности, ни к исторической фактичности существования населения Франции. Скорее, речь следует вести о некоем проекте, устремленном в будущее. Так понимаемая нация есть сознание собственной исторической идентичности, на основании которой общности людей предстоит выстроить некий рационально устроенный мир.

И. Кант в своей знаменитой статье «Что такое Просвещение?» заявил, что Просвещение есть выход из состояния несовершеннолетия, в котором мы находимся по собственной вине [8, с. 29]. М. Фуко со свойственной ему проницательностью заметил, что «в тексте Канта появляется вопрос о настоящем как о философском событии, к которому принадлежит говорящий о нем философ» [9, с. 24–25], а «философия... сталкивается с появлением своей собственной дискурсивной современности, изучаемой как событие, о смысле, ценности и философской единичности которого она высказывается и в котором она находит одновременно свой смысл и основание того, о чем она говорит. Таким образом, философская практика или, скорее, философ, изрекающий свой философский дискурс, не может избежать постановки вопроса о своей принадлежности к этому настоящему. То есть это уже не совсем или даже совсем не вопрос о его принадлежности к человеческому сообществу в целом, но вопрос о его принадлежности к настоящему, если угодно, о его принадлежности к некоему “мы”, имеющему большее или меньшее отношение к совокупности культурных характеристик его собственной современности» [9, с. 25].

Вопрос о национальном сознании того же рода. Национальная философская традиция есть традиция не историческая и не доктринальная; это традиция отношения к себе и собственной современности. Собственно, вопрос о нации, как он ставится в классическую эпоху, и есть вопрос о современности: кто мы такие как общность, осмысляющая себя в отличие от прочих общностей и способная саму себя проецировать в будущее? И в той мере, в какой последующая французская философия наследует от классической эпохи идею нации, т. е. пока она мыслит себя именно как «французскую», она сохраняет и вопрос о собственной современности. В этом и состоит оригинальность французской философии, ибо в других традициях мы не находим подобной постановки вопроса. К примеру, немецкая философия презентрует себя как философию общеевропейскую, британская – как универсальную. Что касается русской философии, это понятие складывается в значительной степени по аналогии с философией французской, но без присущей этой последней рефлексии.

Куда сложнее обстоит дело с так называемой постмодернистской философией и вообще с ситуацией постмодерна. Если забыть о том, что никакой специфической постмодернистской философии не существует, и продолжить нашу линию рассуждения, то перед нами вырисовывается следующая картина. Мы можем принять данное Ж.-Ф. Лиотаром определение постмодерна как ситуации недоверия к нарративам. Недоверие к дискурсу о нации и национальной традиции в наше время обернулось его радикальным отвержением, причем это отвержение совершается с позиций той самой философии, которая им легитимируется. Философы увлеченно пилят сук, на котором сидят, и мало кто отдает себе в этом отчет. Исключением можно считать того же Ж. Деррида, который, впрочем, рассчитывал пилить его вечно.

Ситуация постмодерна в философии сложилась не из-за безответственных действий интеллектуалов (хотя в какой-то мере и из-за них), но стала отражением глобальной ситуации децентрации мира. Глобализация, исчезновение политической полярности, экономическое единство европейского мира – всё это вело к девальвации тех категорий, на которых зиждилась интеллектуальная культура классической эпохи. В философии по-прежнему шло противоборство генерализирующего и историзирующего подходов. При этом с крахом метафизики первый из них почти целиком редуцировался к методологии познания (феноменологии), а второй – к новой волне исторической эпистемологии, т. е., по сути, к той же методологии, только анти-феноменологической направленности.

Вместе с тем ряд интеллектуалов прилагают сознательные усилия по деконструкции классической философии, постулирующей основания для жестких мировоззренческих структур. Само собой, категория нации стала одним из объектов этих деконструктивистских усилий, и уже упомянутый нами подход Ж. Деррида является во многом эмблематическим для интеллектуалов, стремящихся подорвать устои классической философии как ведущие к теоретическому насилию и оправдывающие наси-

лие реальное. Для такой теоретической жестикюляции есть все основания, правда, совсем не из области самой философии, но политического и идеологического характера. Ведь национализм XVIII–XIX столетий в XX в. привел к рождению монструозных политических форм и гуманитарным катастрофам, повторения которых не хочет никто. Избавление от угрозы тоталитаризма требует избавляться от всего, что может оказаться его предпосылками. Возлагать ответственность за коллизии XX в. на Декарта (как это делает, например, Дж. Агамбен [10]), может быть, и нелепо, но определенная логика в этом всё же есть [11].

При этом интеллектуалы, подвергающие радикальной критике и субверсии классическую философию как тоталитаризм бинарных оппозиций, где один из элементов подавляет другой (рациональное/иррациональное, современное/архаичное, оседлое/номадическое и т. п.), утрачивают основание, столь необходимое для этой критики. Теперь уже принято делать вид, что никакого основания для вынесения суждений вовсе не требуется, и это считается хорошим тоном, тогда как несогласные с таким положением дел объявляются замшелыми «метафизиками». Самое слово «метафизика» утратило ныне не только первоначальный или кантианский, но и «постмодернистский» смысл: это уже не рассуждение о сверхчувственном, не наивный реализм и не феноменологическая вера в сущности, стоящие за явлениями. Сегодня под этим понимается рассуждение, не имеющее четких оснований и не придерживающееся строгого метода. Эта-то «метафизика» и становится альтернативой старой метафизике. Едва ли это было целью критиков классической философии, но результатом стала возможность обходиться без оснований вообще, не испытывая при этом дискомфорта.

Впрочем, некое основание все-таки есть, и это историография философии, которая служила орудием фиксации традиции, а теперь может послужить инструментом ее ниспровержения. Историография философии играет здесь приоритетную роль, ибо ниспровержение традиции требует не нигилистического отрицания, а переписывания: привычные персонажи истории философии вписываются в исторический процесс заново, да и сам он представляется теперь иначе. Попытаемся сформулировать эти перемены следующим образом.

1. Историко-философский процесс рассматривается не как длительный процесс эволюции знания и его форм, а как ряд сменяющихся дискретных состояний мысли, подчиняющейся общим закономерностям мышления, характерным для данной эпохи. Эта замена историографии исторической эпистемологией мыслится одновременно как теоретический и как политический жест, поскольку не только позволяет отказаться от проблематичных с исторической точки зрения универсалий, но и дает возможность для декларации своего отказа от европоцентристской тактики мышления.

2. Историописание в области философии становится своего рода литературным творчеством. Знаменитым философам прошлого предлагают пройти испытание в новых для них ситуациях и высказаться по тем

вопросам, которые им и в голову не приходили. Экзегетика сменяется своего рода фантастикой. Такие авторы, как Делез, Фуко и Деррида, при этом являются очень тонкими историками философии, виртуозно владеющие приемами интерпретации текстов.

3. История философии в очередной раз оказывается пространством политической борьбы, в которой интеллектуалам приходится делать выбор, сходный с тем, что прокламировал еще Ж.-П. Сартр. Только на месте принципа партийности и ангажированности оказывается моральная ответственность интеллектуала за проделанную работу. (Что, впрочем, не мешает безответственности тех, кто пользуется методами исследователей-постструктуралистов.)

4. Поскольку такой прием, как ссылка на авторитеты, в пространстве общественного обсуждения по-прежнему сохраняет свое значение, в историографии философии разгорается борьба за привлечение этих авторитетов на свою сторону. Приобретение теоретических союзников обеспечивает победу удачливому претенденту. Этот процесс теоретизируется в работах Б. Латура и рассматривается как естественный для научного знания и повсеместный.

5. Такая новая историография служит самоосмыслению французской философии на новом этапе. И сравнительно новая «французская теория», и давняя традиция французской философии рассматриваются как части единого процесса, в котором вычленяются различные противостоящие друг другу тенденции и идейные лагеря. В этом схематическом пространстве определение собственной идентичности сводится к достаточно простой жестуляции, не требующей значительных интеллектуальных усилий.

Таким образом, можно констатировать складывание новой идеологии, в которой историография философии играет немаловажную роль. Старая идеология (мы употребляем этот термин в широком смысле) легитимировала идею нации как ядро самосознания интеллектуалов и сама на нее опиралась; новая идеология эту идею подрывает и, лишаясь твердой почвы, стремится сформировать новое сознание, ядром которого является это зияние. Говоря схематически, позитивность, служившая онтологическим основанием традиционного сознания, сменилась негативностью, онтологического основания не предполагающей. Такова ставка новой философской историографии.

Литература

1. *Iakovleva L. E. The Existence of National Tradition in Philosophy / L. E. Iakovleva // Russian Studies in Philosophy. – 2004. – Vol. 43. – № 3. – P. 23–47.*

2. *Rakhmankulova N. F. Values and the Emergence on National Philosophical Tradition / N. F. Rakhmankulova // Russian Studies in Philosophy. – 2004. – Vol. 43. – № 3. – P. 48–64.*

3. *Мейнеке Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке. – М. : РОССПЭН, 2004.*

4. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – М. : Весь Мир, 2008.
5. Деррида Ж. Нация и философский национализм : мифос, логос, топос. «Тимей» Платона – хора / Ж. Деррида ; пер. А. В. Дьякова // Хора. – 2008. – № 4. – С. 68–80.
6. Фуко М. Политическая функция интеллектуала / М. Фуко // Интеллектуалы и власть. – М. : Праксис, 2002. – Ч. 1.
7. Гатри У. К. Ч. История греческой философии. Т. 1. Ранние досократики и пифагорейцы / У. К. Ч. Гатри. – СПб. : Владимир Даль, 2015.
8. Кант И. Ответ на вопрос : Что такое просвещение? / И. Кант // Соч. : в 8 т. – М. : Чоро, 1994. – Т. 8.
9. Фуко М. Управление собой и другими : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / М. Фуко ; пер. А. В. Дьякова. – СПб. : Наука, 2011.
10. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима : архив и свидетель / Дж. Агамбен. – М. : Европа, 2012.
11. Antal A. B. Corporate Social Responsibility in France : a Mix of National Traditions and International Influences / A. B. Antal, A. Sobczak // Business & Society. – 2007. – Vol. 46. – № 1. – P. 9–32.

Санкт-Петербургский государственный университет

Дьяков А. В., доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания

*E-mail: a_diakoff@mail.ru
Тел.: 8-967-432-20-97*

Saint-Petersburg State University

Dyakov A. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge

*E-mail: a_diakoff@mail.ru
Tel.: 8-967-432-20-97*